

1. Я хочу полететь в космос потому, что он существует.

Луций Анней Сенека — мудрец и воспитатель — малолетнего Нерона — сказал однажды, что, если бы на Земле было только одно место, откуда можно наблюдать звезды, к нему непрерывно со всех концов стекались бы люди. Века пролетели, но и сегодня Сенека прав. Я не могу представить себе человека, где бы он ни жил, каков бы ни был уровень его образования, который бы хоть раз в жизни, подняв лицо к небу, не разглядывал бы звезды, не задавал бы себе вечные вопросы: что это? Где начало и конец этой черной бездны? Что сам я значу, какое место занимаю в этом мире и есть ли этому миру дело до меня, моих радостей и бед, до всей моей жизни и жизни моей Земли?

Мы много говорим о количестве витков вокруг планеты, циклических вехах ракет-носителей, рекордах пребывания в невесомости, т. е. о сопутствующих техниках, о деталях, а не о главном в космонавтике. О главном писал великий Циолковский в маленьком конспекте «Причина космоса», изданном в августе 1925 года в Калуге. «Мы живем более жизнью Земли, так как космос бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе, времени... Наши интересы и интересы правнуков сливаются. Если правнукам будет плохо, то космос будет несовершенен».

2. Я хочу полететь в космос потому, что надеюсь своей последующей работой изменить отношение людей к космонавтике.

Сегодня это отношение превратно. Космонавтика не есть «изобретение» Циолковского или Королева, она не продукт соревнования честолюбивых технократов или политиков, а закономерный и исторически предопределенный этап развития человеческой цивилизации. Его можно затормозить или ускорить, но нельзя остановить, погнать везля, так же как нельзя было остановить паровую энергетику и электротехнику. Между тем, особенно в последнее время, все чаще раздаются голоса, призывающие сократить, а то и вовсе прекратить космические исследования. Я убежден, что это неверно и пагубно. Академик Иван Вардин говорил: «Самый дорогой процесс в технике — это топтание на месте». И тем не менее в широких слоях нашего общества все прочнее укрепляется мнение, что космонавтика — это нам не по карману, что надо детям ясли построить и сытно всех накормить, а потом уж в космос лететь. Отсутствует официальная информация о реальных расходах на космос лишь усиливает подобную позицию. Я нигде и никогда не читал, сколько стоит, например, год эксплуатации орбитальной станции в пилотируемом режиме. В частности, неофициальных беседах со специалистами удалось выяснить, что речь может идти примерно о 200 миллионах рублей. Кто подсчитает, на какую сумму оставили мы под снегом хлеба и льна, в земле — картофеля и свеклы, сколько сгноили овощей и фруктов, пожгли без дела леса, заколодили бетоном и свезли на свалку до срока всякого другого добра? Воистину космические средства, как в прошлые времена, уходили в наше сельское хозяйство, а в магазинах — шаром покати. Между тем суммы, которые мы потрати-

ли с 1957 года — за 32 года! — собственно на космическую технику, соизмеримы с тем, что мы тратим на развитие сельского хозяйства в течение одного года! Люди должны это знать.

Давайте подумаем, почему никто не требует прекратить выпуск телевизоров, не кричит, что сначала надо мыла вдоволь наварить, а потом уже наслаждаться купленной за валюту «Рабыней Изаурой»? Да потому, что от телевизора человек ежедневно и многократно получает конкретную отдачу: отдыхает, образовывается и воспитывается. А что он получает от спутника? Он не знает. Он только знает, что «это — дорого». Да, это действительно дорого. Но на прошлогодних XII научных чтениях по космонавтике я слушал доклад, в котором говорилось, что экономический эффект при составлении космогеографической карты Кавказа (одного только Кавказа!) составил 55—60 миллионов рублей. Думаю, что трагедия в Армении, происшедшая поч-

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

ПОЧЕМУ Я ХОЧУ ЛЕТЕТЬ В КОСМОС

ти через год после доклада, может удвоить эту сумму. По неполным данным, прогнозы Гидрометеослужбы СССР с использованием данных спутников «Метеор» позволяют сохранить ежегодно материальных ценностей на 500—700 миллионов рублей. Количество информации, которое дает метеоспутник за один виток, соизмеримо с информацией, получаемой с 15—20 тысяч наземных станций, которые надо обслуживать, а на многих живут и тоскуют люди.

Наши журналисты (и я тоже) в середине семидесятых годов, стремясь подсластить горькую пилюлю американской высадки на Луну, убеждали своих читателей в том, насколько опрочметливо и безрасудно поступили руководители НАСА, «из престижных соображений» вбив в лунную пыль 25 миллиардов долларов, «похитивших из карманов налогоплательщиков». А «безрасудные» янки не только отстроили на эти деньги блестящие наземные испытательные комплексы, которые и по сей день им служат, но и получили в 70—80-х годах 175 миллиардов дохода в результате стимулирующего воздействия работ по созданию космической техники на американскую экономику. Вернер фон Браун, хоть и служил Гитлеру, был человек не глупый. Он говорил, что страна, которая может позволить себе роскошь не заниматься космическими исследованиями, готовит себе печальное будущее.

Ничто, как космонавтика, не стимулирует так появление и развитие новых технологий — важнейшего фактора научно-технического, промышленного и даже социального прогресса. И я хочу, чтобы люди знали: космонавтика — это выгодно, заниматься ею выгодно! Другое дело, что в гут, как во многих других областях нашей экономики, мы или вообще не умеем этот доход добыть или по-детски ликуем,

отыскав самый примитивный способ получения прибыли, вроде продажи места в космическом корабле японскому тележурналисту. Нет, не сворачивать надо космические исследования, а планомерно и продуманно развивать их.

3. Я хочу полететь в космос потому, что существуют земные проблемы, которые волнуют очень многих людей и о которых мне будет легче говорить и писать, побывав в космосе.

Еще в 1948 году знаменитый английский астрофизик Фред Хойл заметил, что, когда из космоса будет сфотографирована Земля, мир охватит какая-нибудь новая идея. Через двадцать лет, когда Землю сфотографировали и над ней кружились десятки космических кораблей, Хойл писал: «Вы заметили, как все вокруг забеспокоилось о том, как мы должны защищать окружающую нас природу?.. Естественно, что мы стали спрашивать друг друга: «Откуда взялась эта идея?» Можно, конечно, ответить: от биологов, от эко-

жет быть, здесь, на Земле, мы слишком близко смотрим друг на друга, чтобы понять это? Может быть, надо взглянуть на мир через иллюминатор орбитальной станции, чтобы увидеть, чтобы понять: земной шар — один на всех, из него все мы поднимаемся и в него ложимся...»

Быть может, самое важное в космонавтике — не контроль над цунами, не наблюдение сверхновых звезд и даже не рождение столь необходимых нам новых технологий, а ее возможности объединения людей общими заботами, планами и свершениями, достойными землян.

4. Я хочу полететь в космос потому, что этого требует моя профессия.

Я считаю, что полет журналиста в космос затянулся на недопустимо долгий срок, что привнесло большой урон как идеологической, воспитательной и образовательной работе, так и развитию самой космонавтики. После публикации 30 марта в «Комсомольской

Целиком согласен с Лесковым! А разве я ратую за развлекательную прогулку?! Это труд и труд, во много раз более напряженный, чем земной, требующий детальной подготовки, тщательно, буквально по часам продуманного и в собственном борту журнального плана расписанного плана журналистской работы: когда говорить с Землей, когда проводить телерепортаж и что в нем, кроме плавающего в невесомости караюдаша, показать Земле, когда и о чем беседовать с космонавтами и чем опять-таки эти интервью будут отличаться от «земных», когда выходить в открытый космос — а выходить надо обязательно! — наконец, когда и как все это обдумать, записать, зафиксировать пережитое, найти единственно точные слова. Думается, что работа журналиста на орбите и по объему, и по напряжению своему не меньше и не легче, чем работа космонавта. Просто в основе своей она другая: «заряженный»

примитивно и упрощенно. Изложение нередко сводят к перечню и хронологии событий». О космосе написана бездна книг, в том числе и теми, кто побывал в космосе. Я никак не хочу обидеть моих друзей-космонавтов, но за исключением нескольких абзацев в воспоминаниях и дневниках Валентина Лебедева, Владимира Шаталова и Виталия Севастьянова, книги эти не удовлетворили меня. И это лишь первый раз доказывает, какой непростой будет работа журналиста на орбите.

Я хочу написать книгу, потому что чувствую себя обязанным ее написать. Журналистам моего поколения выпала редкая удача: стать современниками рождения космической эры. Как бы далеко ни ушли мы в космос, какие бы заводы и электростанции ни построили на орбите, какие бы поселения и базы ни возвели на Луне и Марсе, людей всегда будут интересовать корни, начала: Королев, Гагарин, первый спутник, первые лунники и станции к ближним планетам, подобно тому, как нас, которые умеем совершать кругосветные путешествия за 108 минут, интересует первая многолетняя кругосветка Фернана Магеллана. Но напомним: правду о плавании Магеллана, о предательствах капитанов, о бунтах матросов, о голоде в безлюдном океане, о радостях новых открытий мы знаем только потому, что на борту адмиральского корабля был итальянец Пигафетта — летописец, по-нынешнему — специальный корреспондент.

Мне хочется написать правду о рождении космонавтики — она достойна правды. Мне хочется на собственной шкуре испытать тяготы и восторги космического полета, ибо это испытание не позволит мне лгать, даже если бы я этого захотел. Мы так долго и так часто обманывали себя и весь мир, так упоенно лакировали свои победы, так тщательно прятали свои поражения, что потомки наши не простят нам, если мы не расскажем им правды. Это будет книга о стране, вопреки ожиданиям всего мира, ставшей родиной первого спутника, о ее победах и ее поражениях, это будет книга о замечательных людях, с которыми, на мое счастье, свела меня моя работа, и о себе тоже, о том, о чем я думаю и чем могу поделиться с другими людьми. Мне хочется, чтобы мою книгу прочли молодые люди. Им надо объяснить, что для того, чтобы хорошо работать на Марсе, надо знать не только космическую навигацию, но и пережить печали Аэлиты. И Дон Кихота тоже.

Полет в космос поможет мне разобраться в том, о чем думаю уже много лет: как влияет наш технический прогресс, все эти лазеры, компьютеры, атомные котлы и космические ракеты на нас самих, на нашу психику, характер, мысли и образ жизни? Зная, что по Луне путешествовали 12 землян, я смотрю на Луну иначе, чем на все смотрел мой дед. «Комсомольская правда» позволила мне очень много увидеть, показала мне все континенты Земли, кроме Антарктиды, и дала время подумать об увиденном. Поэтому есть надежда, что книга может получиться интересной.

6. Я хочу полететь в космос потому, что мне было бы очень интересно полететь в космос.

Мне кажется, это каждому интересно, чего уж тут лукавить.

логов. Но ведь они говорили об охране природы уже годами и ровно ничего не могли добиться. Что-то новое должно было произойти, чтобы пробудить во всем мире сознание того, как драгоценна наша планета. И тот факт, что все это случилось как раз в тот миг, когда человек впервые шагнул в космос, кажется мне не простым совпадением, а чем-то значительно большим».

Когда я был маленьким, моим домом была старая шестизатка в Лиховом переулке. Я рос, и домом стала вся Москва. Я улетаю очень далеко, и домом стала страна. Если я улечу в космос — в дом превратится планета. Заатмосферный полет сжимает земной шар. С орбиты не видно пограничных столбов. Космонавтика ярко демонстрирует нам общность землян. Посмотрите, говорит она нам, какую прекрасную планету подарила вам судьба, природа, Бог, Магомет, Будда, — называйте, как вам удобнее. Одну на всех! Теперь вы понимаете, что есть лишь один способ сохранить ее красоту — всем вместе беречь каждое дерево, каждый ручей и каждое облако ее? Теперь вы понимаете, что есть лишь один способ наслаждаться этой красотой — жить в мире и дружбе, а если дружбы уж никак не получается, то хотя бы в приязни, в терпимости, в убежденности, что человек, у которого другой цвет кожи, другая национальность и другая вера, тоже может быть хорошим человеком.

Всех нас захлестывает сегодня не только нефтяная волна у берегов Аляски, но и волна национальной и религиозной нетерпимости. Это знамение эпохи, это весть — в мире много Карабахов, рассказывают, даже в крохотной Вельгии свои национальные проблемы. Кровь грузин и кровь басков впитывает одна земля — земной шар. «Лицом к лицу лица не увидать», — говорил поэт. Мо-

правде» статьи «Престиж на вынос», в которой я отстаивал право советского журналиста полететь в космос на советском космическом корабле и прожить несколько дней на советской орбитальной станции раньше, чем то же самое сделает японский журналист, я получил много писем и телеграмм в свою поддержку. И не только от коллег, что, в общем, понятно. Писали люди, никак с журналистикой не связанные: Л. И. Смирнова из поселка Дальнегорск Приморского края, Л. Н. Тургеневский из Саранула Удмуртской АССР, Арнольд Войко из Одессы, Арзу Гасанов из Баку, семья Саренковых из Могилева, тульский слесарь Владимир Молчанов, ветеран Байконура Евгений Морозов, живущий в Чернигове, ребята из школы № 55 города Омска, руководители Рубежанского производственного объединения «Краситель», — писем и телеграмм было очень много. Все эти люди поняли меня, мою досаду, мои чувства. Поняли, как понял Королев, предложивший мне написать заявление о приеме в отряд космонавтов, как понял Гагарин, когда мы говорили о полете журналиста в космос. А некоторые не поняли. Заместитель начальника Главкосмоса СССР О. Фирсюк, например, на страницах «Московской правды» доказывал, что престиж нашей страны только выиграет, если вместо советского журналиста полетит японский. Очень своеобразная точка зрения. Ну да что Фирсюк — даже некоторые мои коллеги тоже не поняли. Искренне об этом сожалел.

Отставной ракетчик Морозов, оказывается, еще в январе 1985 года, когда никаких японцев в помине не было, писал в газету о том, что надо послать в космос творческого работника. «Космический журналист Сергей Лесков ответил ему тогда: «Полеты в космос — не развлекательная прогулка».

на Земле космонавт отдает на орбите свою энергию, знания и волю, в то время как журналист «заряжается» в космосе, чтобы отдать свои наблюдения, мысли и чувства на Земле.

О, это совсем не развлекательная прогулка, но я чувствую себя морально подготовленным к этой работе. Если приплюсовать студенческие годы в МВТУ им. Баумана, где я получил «ракетный» диплом, я занимаюсь космонавтикой больше тридцати лет и за это время кое-чем разобрался. Это много. Это даже больше, чем нужно. Пусть я чувствую себя так, как чувствует себя любой здоровый человек, которому «за пятьдесят», но я понимаю, что было бы лучше, если бы я чувствовал себя так, как чувствует себя любой здоровый человек, которому «за тридцать». Однако, если, приняв «гагаринские» принципы отбора журналиста для полета в космос, мы будем руководствоваться не его творческими возможностями и состоянием духа, а его физическими возможностями и состоянием тела, как это было в гагаринские времена, то тогда не надо и огорождать, тогда все может действительно обернуться большим конфузом и «развлекательной прогулкой». Хочется верить, что это понимают те, кому доверят сделать выбор.

5. Я хочу полететь в космос потому, что хочу написать книгу о космосе.

Впрочем, может быть, не только о космосе — о нашем времени, о нас самих, о нашей жизни — такой, какой я вижу ее из космоса. Наша отечественная литература дала нам блестящие образцы исследования человеческого духа. Мы лучше знаем летопись души, нежели мозга. Еще президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов жаловался: «История овладения человеком природой — основной и важнейший исторический процесс — до сих пор излагается